

Э.А. Забродский, Э.А. Корнилович

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ, ДАР ПРОРОЧЕСТВА

Безжалостное время надолго отодвинуло от нас ученого–земляка, которого знают социологи многих стран мира. В забвении человека виновны люди и их пристрастия, поэтому давайте исправим упущенное и восстановим то, что до нас не было сделано.

Сегодня, когда родина собирает своих сыновей, имя этого ученого звучит как открытие, отголосок далекой славы, как частица нашего духовного богатства. В 1900 году крупный государствовед Борис Чичерин говорил о своем молодом коллеге, как о талантливом юристе, известном своими блистательными трудами по правоведению в Германии и у нас. В книге «Выборгский процесс», изданной в 1908 году в Петербурге, он, Л.И.Петражицкий, представлен как «один из наиболее выдающихся русских юристов». Современный американский историк Ричард Пайпс назвал его одним из ведущих правоведов России, а русский социолог–эмигрант Николай Тимашев – выдающимся философом права начала XX века. Маститый обществовед Максим Ковалевский сравнивал его с двумя юристами–философами, долгое время приковавшими к себе внимание широких кругов европейских читателей, – с англичанином Генрихом Меном и французом Габриелем Тар дом. В Беларуси мы только начинаем знакомство с ним, чье имя почти столетие значится в лучших библиотеках мира...

Лев Иосифович Петражицкий родился 13 апреля 1867 года в родовом имении Колонтаево Сенненского уезда Могилевской губернии, ныне Сененского района Витебской области. Мальчик рос в краю лесов и болот, голубых озер и рек. В детстве он получил богатые и разнообразные впечатления не только от природы, но и от жизни белорусских крестьян. Поля здесь были бедными, и люди перебивались с хлеба на квас, болели, ходили в лаптях и лохмотьях, редко пели свои грустные песни. Темные горемыки, с испорченной психикой, нередко угнетали настроение Левы и вызвали тяжелые раздумья о беспорядках в деревне. Непонятной была ему загадочная душа мужика, которого обвиняли в невежестве и лени.

Когда мальчику исполнилось десять лет, он уже многое знал – от родителей и сельских ребят, от первых книжек и общения с природой. Взрослые не ломали себе голову, куда послать его учиться. В пятидесяти верстах от них – губернский город. Льва Петражицкого мать отвезла в Витебскую классическую гимназию, известную своим свирепым режимом. Он попал в тягостную и непривычную для себя атмосферу, в среду дерзких подростков. Но жаждущий знаний мальчик приспособился, преодолевая всякие преграды. Он усердно изучал основы философии и права, естественные дисциплины, польский, немецкий и французский языки, читал

книги русских писателей и историков. Запомнились ему яркие лекции историка Алексея Парфеновича Сапунова, известного знатока белорусоведения. Здесь Лева познавал то, что потом пригодилось ему не только при поступлении в университете, но и в течении всей жизни.

Он был образцового поведения, и это заметили младшие гимназисты. Николай Лосский, который впоследствии стал видным философом–идеалистом, вспоминал: «Из учеников старших классов в конвикте обращал на себя внимание Лев Иосифович Петражицкий, будущий профессор Петербургского университета... Бледный, худощавый юноша, он был всегда серьезен и внушал к себе уважение; иногда, случайно проходя и увидев какую–нибудь особенно возмутительную шалость, он спокойным тоном делал замечание, несколько сдерживавшее сорванцов». Витебская гимназия приучила его к самовоспитанию, подготовила к более сложным научным испытаниям, заставила поверить в свои природные способности. После окончания гимназии Петражицкий надолго оставил белорусские места. В 1886 году поступил на юридический факультет Киевского университета, известный своими профессорами и прогрессивными традициями. Здесь юноша из Сенненщины окончательно определился: науки права стали его и профессией, и объектом научного исследования. Будучи студентом, Петражицкий много работал над собой, не позволял душе лениться. Не позволял себе послабления даже тогда, когда какой–либо профессор оказывался добрым и не срезал на экзаменах. Ему было бы стыдно явиться к экзаменатору с легким багажом. У него хватало знаний и терпения, чтобы засесть за перевод с немецкого языка книги Ю.Барона «Система римского гражданского права». Ее первый выпуск был издан в 1838 году. Это была высота, на которую мало кто из студентов поднимался. Поэтому неудивительно, что блестяще окончив университет, Петражицкий с необыкновенной ясностью почувствовал: ему еще надо учиться и учиться. Умные головы подсказывали да он и сам понимал: без научных достижений Европы ему не обойтись.

Почти год Лев Петражицкий посещал лекции по философии права в Гейдельбергском университете. Немецкий язык он знал, и через пару месяцев свободно воспринимал лекции иностранных профессоров. Несколько сложнее было с французским, когда он переехал в Парижский университет и слушал лекции французских ученых. Через год Петражицкий вернулся в Германию и поступил в известную семинарию Берлинского университета, где было множество светил науки и где его интересовали лекции по римскому праву. Здесь занималось много русских Е.В.Пассек, М.Я.Пергамент, П.С.Юшкевич, ставших потом известными философами и юристами. На всех их оказывал наиболее сильное влияние профессор университета Генрих Дернбург, о котором с благодарностью писал Петражицкий: «Не подлежит сомнению, что влияние Дернбурга на нас как в интеллектуальном, так и в моральном отношении было только самое благотворное, можно надеяться, мы по мере сил и способностей своих постораемся оказаться достойными учениками своего учителя, столь

преданного науке и преподаванию и столь преуспевшего в своем служении науке и общему благу – истине, справедливости и гуманности»¹.

От этого рыцаря науки Петражицкий учился терпению, научной добросовестности и более всего – лекторскому искусству и умению ценить ученость своих коллег. Случалось, он сидел на скамье рядом с седовласым старцем, который внимательно слушал нужную ему лекцию первоклассного приват–доцента. Это был Генрих Дернбург – ученый, который в своей науке пользовался наибольшим авторитетом в мире и состоял, между прочим, почетным членом Петербургского, Московского и Киевского университетов. Такой кумир вряд ли мог навредить слушателю в его подготовке к научной и педагогической деятельности. И наш земляк стойко переносил долгое расставание со своими родными, многие ограничения, и иногда и серьезные лишения.

То, что пережил за границей Петражицкий озарено внутренним светом и не все отнесешь к жертвам. Это был его путь познания, исполнение его заветной мечты окунуться в умственную и политическую жизнь Германии, попробовать себя в научном творчестве. И это, кажется, ему удалось. В семинарии он всесторонне изучил римское гражданское право, теоретическое наследие немецких философов и правоведов Рихарда Авенариума, Юлия Барона, Георга Гегеля, Иммануила Канта и других. В то время немцы готовили проект своего гражданского кодекса, и Петражицкий напряженно думал над улучшением сложившегося образа жизни в России. Его беспокоили нищета и неустроенность наших людей, политические беспорядки, беспомощность старой юриспруденции. Уже в первой книге «Предисловие и введение в науку поли–тики права», вышедшей в 1892 году на немецком языке в Берлине, он определил свой научный интерес: создать основы новой науки – политики права.

Профессора Берлинского университета книгу своего слушателя встретили сочувственно, даже восторженно. Они широко использовали ее в своих лекциях. А в России не спешили с оценками, осторожно выверяли мысли мо–лодого ученого, которые все более завоевывали себе симпатии.

По мнению Петражицкого, политика права сознательно ведет человечество вперед, «к свету и великому идеалу будущего», т.е. в том направлении, куда оно движется бессознательно эмпирически. Государство служит праву (общему благу), обеспечивает осуществление определенной системы правовых норм и изменяется в соответствии с ее потребностями. Практическое значение о праве охватывает и науку о применении существующих норм (догматику), и учение о праве должного, о целесообразном праве, которое следует установить, т.е. О политике права. Особая роль политики права в том, чтобы очистить психику людей от антисоциальных склонностей и направлять их поведение в сторону общего блага посредством разработки «начал желательного, рационального права в законодательстве».

С помощью права ученому хотелось не только вызвать отвращение к убийству, разбою, грабежу, оскорблению чести, но и развить любовь и

уважение к ближнему, к обществу, поддержать источник различных положительных явлений и общественной жизни и благотельных черт человеческого характера, устранить почву для патологических (уродливых) явлений. Ему были противны старые традиции устрашения, убивать и лишать свободы людей во имя интересов господствующих элементов. Петражицкий считал, что политика права имеет дело с будущим культуры и ее идеалом и, как всякая политика, ведет к улучшению жизни, «к воспитанию человеческой души, к положительному добру». Ее цель – вызывать положительные действия, а наказание дает нечто противоположное.

Она рассчитана для целого народа, должна соответствовать психическому состоянию широких масс и может «научно решать вопрос об этическом прогрессе».

Л.И.Петражицкий страстно верил, что скоро все человечество будет объято узами действенной любви, людям не понадобится никаких сдерживающих норм ни права, ни нравственности, что они добровольно будут осуществлять то, что теперь исполняется под давлением строгих правил. Это, пожалуй, была давняя мечта в грядущий золотой век истории, в нравственное совершенствование человечества. И пусть не все ученые ее принимали всерьез, его коллега Павел Новгородцев писал: «Блажен, кто верует! И едва ли я ошибусь, если скажу, что именно эта вера Л.И.Петражицкого составляет одну из самых заманчивых сторон его доктрины. На всех, не искусившихся в сложных путях и задачах общественной науки, эта прекрасная вера профессора Петражицкого действует, как настоящее открытие, как сбывшаяся великая мечта».

Жить, порождая любовь и добро, жить по разумным законам права, жить с верой в творческие силы человека... Ряди этого идеала Лев Петражицкий много работал как социолог, теоретик права, проявляя высокую культуру умственного труда; и как лектор, воспитатель студенческой молодежи, показывая пример истинной любви к своей профессии. Начав приват-доцентом, в 1898 году он избирается профессором, затем заведующим кафедры энциклопедии и истории философии права Петербургского университета. Был первым выборным деканом юридического факультета, на котором работали такие видные ученые и педагоги, как М.М. Ковалевский, В.И.Сергеевич, И.Я.Фойницкий, Е.В.Тарле и другие.

Лев Петражицкий много думал о том, что такое политика и следует ли ею заниматься. Не сразу ответил себе: интересоваться политикой – значит жить не своими эгоистическими устремлениями, а интересами общего блага; заниматься политикой – значит заботиться об общем благе.

Политика – это великое облагораживание души, прививка высшей человеческой культуры. По словам ученого, люди, которые не интересуются политикой, – это люди, для которых общее благо неинтересно, для которых существуют только мелкие интересы своего маленького «я», только мелкие дела и делишки. Петражицкий осознал, что царский режим политиков не любил; заниматься политикой –означало быть неблагонадежным. Он выступал против такой политической системы, которая мешает развитию

высшей человеческой этики, опирающейся не на интересе к себе, а на интересе к ближним и всем дальним. Он говорил: «Мы должны двинуть вперед культуру путем общественного воспитания... Под культурой я понимаю выработку такого народного характера, чтобы люди не были злыми эгоистами, думающими только о себе, а напротив, были способными и склонными делать добро, заботиться об общем благе, об общих интересах, интересоваться ими и даже воодушевляться. Только с помощью такой культуры мы создаем почву для осуществления великого идеала человеческого братства и свободного труда всех на пользу общую».

Естественно, Петражицкий не мог быть в стороне от жгучих потребностей людей, от политических дел. Когда в 1897 году общественная волна начала подниматься, он вместе со своими коллегами В.Д.Набоковым, В.М.Гессеном, Н.И.Лазаревским и другими принялся за создание новой юридической еженедельной газеты «Право» – им хотелось улучшить правосознание людей. В скором времени она стала одним из наиболее ярких органов легальной оппозиции, вокруг которого сгруппировались земские конституционные элементы.

Бурное нарастание первой российской революции заставило Петражицкого еще больше вникать в противоречия общества, тяжелое положение рабочих и крестьян, которое усугублялось политическим беспорядком.

Еженедельник «Право» помещал заметки о рабочем движении в городах, о восстании матросов на броненосце «Потемкин», об арестах и смертных приговорах. С болью в душе читал Петражицкий сообщения из белорусских губерний: о голодовке в минской тюрьме 62 девушек–арестанток, об избиении гомельских граждан и запрете властей всяких собраний, о еврейских погромах. Вздрогнуло его сердце, когда увидел заметку из Витебска о конфликте между публикой, пришедшей в дворянское собрание по случаю годовщины «кровавого воскресенья», и полицией. Жуткое столкновение произошло на улице, возле дворца губернатора, около ста человек арестовано. Петражицкий хорошо знал эти места, и в его сознании вставал бунтарный вопрос: кто дал право полиции бить и арестовывать?

Как представитель дворянства, профессор редко выходил из круга интересов своего сословия. Убежденный либерал, приверженец конституции, он немало потрудился, чтобы создать свою политическую партию. Нашлись и достойные сторонники из научной интеллигенции – П.Д.Долгоруков, В.Д.Набоков, С.А.Муромцев и другие. Вместе с ними Петражицкий стал одним из организаторов и лидеров партии кадетов, созданной в октябре пятого года. Они стремились увековечить власть царя в упорядоченной и цивилизованной форме, допускали частичное отчуждение помещичьих земель по «справедливой» оценке, отстаивали необходимость конституционных свобод. Но понимание нужд беспорядочной молодежи заставляло профессора становиться на защиту ее устремлений. Кроме университета, он еще преподавал в училище правоведения. В бурные

октябрьские дни его учащиеся вышли на демонстрацию, после чего администрация подвергла их преследованиям за политические убеждения. Не скрывая своего возмущения, Петражицкий подал в отставку. В этом случае он выступил за справедливость, как нравственно–правовую категорию, а не против сложившегося правопорядка.

Царь, напуганный ростом массового революционного движения, подписал указ о выборах в первую Государственную думу. Она сразу же стала в центре политической жизни страны. Как члены ЦК партии кадетов, Лев Петражицкий, Владимир Набоков (отец известного русско–американского писателя В.В.Набокова) и другие стали ее депутатами от Петербургской губернии. Страна, истомленная ожиданиями, требовала от своих избранников подвига, коренного политического и социального обновления.

27 апреля 1906 года в зале Таврического дворца впервые собрались депутаты, «лучшие люди земли русской». Все они были настроены на активную и осмысленную политическую деятельность. Льва Петражицкого избрали в комиссии: редакционную, аграрную, о гражданском равенстве. Он выступал на заседаниях думы: по поводу законопроекта о неприкосновенности личности, заявления военных министров, избияния депутата С.Д. Седельникова и т.д. Весомо прозвучали его слова об отмене смертной казни. Петражицкий, как и Л.Н.Толстой, старался спасти многие человеческие жизни и не терял надежды на достижение этой цели. Он участвовал в выработке законопроекта об отмене смертной казни, обсуждал его с В.Д.Набоковым, потом поделился своими соображениями с депутатами Госдумы. Петражицкий с тревогой говорил, что запрос в министерство не вызвал надлежащего действия, произошло замедление, однако мы не должны сделаться неумышленными виновниками казней. Мы ведем борьбу с министерством, которому уже выражено недоверие, и на стороне которого – великая неправота. Оратор выразил веру в законных представителей народа, способных осуществить законную власть, и принять не резолюцию, а закон. И вот здесь–то депутаты наткнулись на разные затруднения и препятствия, что сильно возбудило Петражицкого: «Но разве вы ехали сюда с тем, чтобы в Таврическом дворце сидеть на мягких креслах и заниматься легким и приятным спортом при любезнейшем содействии господ министров и стремлении их во всем помогать вам? Неужели вы думаете, что будете почивать на лаврах, что будете идти по пути, усеянному розами? Неужели вы были так наивны, что полагали, что здесь все пойдет приятно и мирно и что умные министры сейчас все сообразят и сделают, что нужно?... Если что изменилось и если должно быть какое–либо изменение в тактике, то оно должно состоять в том, что мы с еще большей уверенностью, еще большей корректностью, еще с большим спокойствием должны вести то дело, ради которого мы сюда приехали». Изысканно произнесенная речь профессора, наполненная благородством мысли, душевным участием в судьбе несчастных, заставляла не только задуматься, но и действовать.

А сам Петражицкий действовал энергично и продуманно, везде проявляя свой боевой характер. На его имя и имя депутата Кедрина от женского благотворительного общества поступила петиция о женском равноправии, скрепленная 4000 подписей. И он счел своим долгом хоть в какой-то мере оказать содействие удовлетворению справедливых желаний тысяч просительниц и непременно сказать об этом с трибуны Думы. Его угнетало то, что в Госдуме не было ни одной женщины-депутата, и что женский вопрос в России не вызывает того интереса, которого он заслуживает. Только люди «с развитой и культурной совестью» связывают этот вопрос с общественной и государственной пользой, с устранением неравенства в области законов, гражданских и наследственных. Эти законы находятся в таком противоречии с современной правовой совестью, что порядочный человек не станет пользоваться ими, что порядочный сын при разделе имущества родителей не захочет получать в четырнадцать раз больше, чем его сестра.

Выступая в Думе депутат Петражицкий, говорил: «интересы государства, общества и культуры требуют сделать этот последний, крупнейший шаг – признать за женщинами избирательные права. Традиционное возрождение известно: «Вы втягиваете женщину в политику! Ее место у домашнего очага», быть матерью, воспитывать детей, а тут вдруг заниматься политикой». В качестве предшественника по защите этого пункта я с гордостью могу указать на великого мыслителя Джона Стюарта Милля, который уже в половине прошлого века стоял на той точке зрения, что женщинам должны быть предоставлены избирательные права... Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чем больше они ею будут заниматься, тем лучше для государства, общества и прогресса».

Как и другие мыслители, Лев Петражицкий ставил социальный прогресс в прямую зависимость от положения женщины – работницы, матери, жены, студентки, и был убежден, что у нее особый строй психики, чувства и ума, и что она – источник нравственности, доброты, красоты жизни. Но когда Дума всерьез заговорила о решении земельного вопроса, ему стало ясно, что вопросы женщин, продовольствия, образования еще не скоро будут стоять в центре государственной жизни. Игра в народное представительство не получилась, и царизм пошел на совсем недемократический шаг. Петр Столыпин расставил близ Таврического дворца солдат, повесил большой замок на двери, на стене расклеил манифест царя о роспуске думы. Радикально настроенные депутаты всполошились. Петражицкий вместе с С.А.Котляровским, В.Д.Набоковым, депутатом от Витебска А.О.Волковичем и другими кадетами поехал в Выборг. Они конспиративно собрались в гостинице «Бельведер», чтобы выразить свой протест против роспуска Госдумы. Они приняли и подписали выборгское воззвание к народу, в котором призвали его к пассивному сопротивлению властям: «Ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Да где там – народ безмолвствовал.

Как известно, царь не любил ослушников. На всех, подписавших Выборгское воззвание, обрушились репрессии. Лев Петражицкий был арестован и заключен в Петербургскую тюрьму «Кресты». Он, постоянно думавший о совершенствовании государства, обвинялся в государственном преступлении. Его научная мысль вступила в явное противоречие с реальным течением политической жизни. В декабре 1907 года происходил Выборгский процесс, на котором судили помещиков, профессоров, редакторов, священников, рабочих. В их защиту с блестящей речью выступил адвокат Николай Тесленко, воспитанник витебской гимназии. Лев Иосифович не отрицал факта подписания им воззвания–протеста, но не считал свои действия соответствующими предъявленному обвинению. Всех подсудимых неправый суд признал виновными и 18 декабря приговорил их к заключению на три месяца. Наказание Петражицкий отбывал в Выборгской одиночной тюрьме. Он понял, что коварность приговора таилась в том, что имевший судимость не сможет быть вновь избран в Госдуму. Таким образом, царизм ограничивал возможности либеральных интеллигентов, составляющих цвет кадетской партии.

Когда профессор Л.И.Петражицкий вышел на свободу и вернулся в университет, студенты устроили ему в Актовом зале бурную и восторженную оvation. С этого времени он приобрел ореол мученика, пострадавшего за свои оппозиционные взгляды. Конечно, это еще больше повысило интерес к его неординарной личности, к его разнообразной деятельности.

Лекции Петражицкого пользовались большим успехом, их охотно посещали не только студенты, но и посторонние. Окончив Минскую женскую гимназию, Екатерина Привалова, ставшая впоследствии писательницей, вспоминала: «Вопросы права очень далеки от моих интересов. Но их читает профессор Л.И.Петражицкий. Он – гордость наших юристов. Как не послушать того, кого слушают все! Лев Иосифович читает медленно, подбирая слова. Похоже на то, что он ворочает тяжелые камни. Выражения у него иногда какие–то странные, непривычные. Лекцию Л.И.Петражицкого легко было воспроизвести почти дословно. Разве можно было мыслить иначе, чем мыслил он? Ни возражений, ни колебаний. Казалось, ваша мысль в плену. Такова была железная логика этого оригинального лектора».

Бывший студент юрфака П.В.Гуревич также отмечает популярность и большой авторитет Льва Иосифовича среди студентов различных учебных заведений Петербурга, описывает его внешний облик: «он был среднего роста, худощав, с льяного цвета редкими волосами; небольшие тонкие усы со слегка приподнятыми кончиками, совсем небольшая светлая бородка; пенсне, серые глаза выделялись на фоне довольно бледного лица – они светились умом; фигура отличалась заметной сутулостью; медленная, неуверенная походка; тихий, размеренная речь, несколько растянутая, с паузами; углубленность мысли, стремление к выбору слов, наиболее точно отвечающих ее содержанию»².

Способствовать воспитанию студенческой молодежи, думать о развитии духовности и культуры, о совершенствовании правопорядка было естественным состоянием ума Петражицкого. У него выработались превосходные навыки, как к научной, так и к преподавательской работе. Он не представлял себе высшего учебного заведения, где не кипит научная мысль, где не ведется творческий поиск. Сам он настолько был увлечен научно–педагогическим процессом, что впоследствии издал специальный труд в двух томах «Университет и наука», несомненно, представляющий большой интерес для преподавателей нашего времени.

В поле зрения Петражицкого были и методика, и вдохновение профессора, доцента, и система вознаграждения их нелегкого труда. В одной из книг он писал: «Учебно–преподавательская деятельность отличается, между прочим, тою особенностью, что для успеха и плодотворности требуется постоянная, весьма энергичная и усердная работа не только для того, чтобы постепенно дойти до учености в подлинном и высшем смысле слова и до творческого мастерства, но и для того, чтобы не отстать от науки, не упасть и не «выдохнуться». Всякое ослабление энергии, перерыв и почивание на лаврах здесь губительно, ведет к быстрому падению. То же требуется для ценности и успеха лекций. Ученый в полном смысле слова, живущий и дышащий наукой, заражает аудиторию своим научным подъемом и воодушевлением, поднимет ее до уровня своего воодушевленного и высокого полета научной мысли, и оказывает глубокое воспитательное влияние». Рациональную университетскую политику он видел в том, чтобы привлечь к ученой карьере талантливейших людей и создать для них наиболее сильные стимулы непрерывной усерднейшей научной деятельности в течение всей трудоспособной жизни. Этим будет достигнуто и процветание науки, и процветание университетского преподавания. Поразительно, но стимулы преподавательской работы до сих пор не определены, и сегодня профессор получает намного меньше водителя автобуса.

Для самого Петражицкого наука была источником вдохновения и средством борьбы за достижение социальной справедливости, достижения политического взаимопонимания в обществе. Он – сын своего времени, и нес в себе свои черты и идеи, заблуждения и ошибки. Вместе с Б.Н.Чичериным, П.И.Новгородцевым, Б.А.Кистяковским, Е.Н.Трубецким и другими он входил в группу талантливых деятелей культуры, которых называют представителями классической русской либеральной философии. Его жизнь и взгляды представляют собой сложное явление, отражающее и драматизм собственной судьбы, и перипетии напряженной духовной жизни на переломе двух веков, и своеобразии индивидуального творчества. Его научное наследие по известным причинам долго находилось на задворках общественного сознания, а если и рассматривалось, то в основном, как буржуазное, идеалистическое.

Начиная с 90–х годов Лев Петражицкий неотступно работал над поставленной себе задачей: научно подготовить построение законодательной науки, правовой политики на основе опытно–психологического изучения

права и его причинных свойств, действий. Чтобы выполнить ее, надо было познать и понять природу права, как своеобразного фактора социально-психологической жизни. Петражицкий терпеливо исследовал право и его действие на психику, стремясь приобрести дар пророчества. Ему хотелось знать, чтобы предвидеть, а предвидеть, чтобы разумно действовать.

Уже в своих ранних работах «По поводу вопросов о ценности обычного права и его изучения», «Обычное право и народный дух», «Роль законов в истории гражданского права» и других проявил глубокое знание немецких философов и юристов Рудольфа Иеринга, Георга Пухты, Фридриха Савиньи, и пришел к окончательному выводу о замене обычного права законом, сознательной разумной политикой, которая будет обуславливаться развитием производства и культуры, распределением жизненных благ, ускорением научного и политического прогресса. По мнению ученого, обычное право является бессознательно образующимся продуктом коллективного народного опыта: в нем заключается инстинктивная народная «мудрость» эмпирического происхождения. Однако это не означает, что каждый отдельный обычай разумный. Петражицкий писал: «История человечества и его современный быт дают нам массу современных примеров всевозможного рода болезненных явлений, в том числе и разных аномальных и даже зловредных обычаев, подчас являющихся причиной дальнейших болезней или даже полного разложения и упадка общественного организма»³.

В то время ученые убеждались, что под воздействием научно-технических перемен сознательный элемент побеждает и начинает вытеснять бессознательный, они видели явное превосходство сознательного разума и сил прогресса. Эту идею, ставшую доминантой его жизни, Петражицкий внедрял в область права: «Сознательная политика должна вести к более скорому и качественно лучшему развитию, нежели обычное право». Эта идея могла помочь в достижении таких успехов, которые недостижимы путем обычая. Новейшим образом триумфа законодательства над обычным правом явилось уничтожение сословно-феодального строя, правовое признание свободы лица и собственности, освобождение личности от тяжелых рутинных порядков. Выясняя содержание права, Л.И.Петражицкий писал: «Основа истинной ценности права, этического достоинства и святости правопорядка состоит в том, что право является отнюдь не сумою произвольно сочиненных кем-либо и навязанных народу приказаний, а проявлением величайшей моральной субстанции – народного духа. Развивая и соблюдая право, народ внемлет голосу своей совести и потребностям своей духовной разумной природы. Поскольку нормы права являются верным выражением народного духа и его требований, они действительно ценны, достойны уважения и на деле пользуются уважением народа; мало того, лишь поскольку они являются истинным правом, а не произволом и бесправием»⁴. В наше время, когда мы объявили о построении правового государства, к этим глубоким и весьма демократическим мыслям следует прислушаться. Надо ведь понять, в чем смысл правовых норм, в чем ошибки разработчиков новых законов и почему эти законы «не работают». Почти все, кто изучал политическое

творчество Л.И.Петражицкого, отводят ему особое место в русском неокантианстве. По словам Льва Иосифовича, тогда всякому мыслителю и даже образованному человеку непременно полагалось «быть неокантианцем, под страхом исключения из интеллигентного общества». Однако он был глубоко уверен, что ученым следует идти: «Не назад к Канту, и тем более к Гегелю, а дружно, соединенными силами вперед к свету!». В своей книге «О мотивах человеческих поступков» (1904) Петражицкий исходит из кантианской мысли о том, что человек – эгоист по своей природе и что в основе его поведения лежат эгоистические мотивы. Человек старается получить максимум наслаждения и избегать страдания. Однако, если понять человеческую психологию и поверить писателям и психологам, которые воспринимают человеческую психологию ярче чем другие, то можно легко убедиться, что в обществе живут не только стремлением к наслаждению. Не один эгоизм руководит людьми, их поступки побуждаются идеалами справедливости и счастья. Как объяснить смелые подвиги не только редких натур, но и многих людей, бескорыстно идущих на верную смерть, на баррикады, на борьбу за свободу, отечество, народ. В мире немало поступков, которые не объясняются целевыми мотивами. В прошлом была какая-то обида, остро пережитая данным лицом, и от одного воспоминания о ней он зажигается совершенно неожиданными мотивациями и поступает так, что мы неспособны его понять. Деятели государства должны знать психологию людей, которые живут не эгоистическими интересами, а интересами достижения успехов промышленных, технических, научных, политических. Разве истинные творцы действуют в эгоистических интересах? Разве Эдисон, Форд, Стефенсон создавая свои изобретения и усовершенствования в управлении, делали это ради наживы? Таких творцов в жизни немало, и они играют огромную роль в человеческой культуре, в развитии духовности. Представление о благородных поступках вызывает стремление подражать. Но поступки бывают гадкие, отвратительные, вызывающие негодование, возмущение. Следовательно, надо знать мотивы, управляющие человеческим поведением.

По мнению Петражицкого, слабое развитие сознания собственных прав было одной из главных причин тех недостатков русского национального характера, которые определяются как «рабская душа», «неуважение к чужой личности, деспотизм и самодурство». Сознание своего права ставит человека наравне со всеми. И барин – не барин, даже для лакея, когда дело идет о его (лакея) правах, если он обладает правосознанием. Петражицкий утверждает, что право «не взирая на лица» поднимает «малых» до высоты «великих мира сего»; что «эмоционально здоровое и достаточно интенсивное сознание своих прав» прививает человеку чувство собственного достоинства и делает его подлинным гражданином. Бесспорно, эти мысли особенно ценны для современно-го белорусского народа, осознающего себя правомочным среди разных стран: Льва Иосифовича не устраивала интуиция и принципы справедливости – в то время последнее слово немецкой науки в области теории права. Он выяснил социальную сущность справедливости. По мысли Петражицкого, в справедливости люди усматривают высший руководящий свет, вера в нее

помогает им найти успокоение и утешение в страданиях. Эта проблема всегда интересовала мыслящих людей, начиная с древних времен Сократа и Платона, но досих пор остается нерешенной. Ученый отмечает самое распространенное мнение, что справедливость состоит в равенстве, в равном отношении к другим. Он поясняет: каждый свободен делать все, что хочет, предполагая, что он не нарушает такой же равной свободы кого бы то ни было другого. Нередко справедливым представляется равное, несправедливым неравное отношение (признание разной степени заслуги, вины). Наказание невиновного всегда считается несправедливым – это люди хорошо осознают. И хуже представляют, что справедливость как реальное явление духовной жизни требует научного познания, своеобразного метода и самонаблюдения. Политикам следует изучать эмоции долга, этические эмоции, воспоминания о собственном поступке, угрызения совести. Петражицкий указал на взаимосвязь справедливости с науками права, обосновал перемещение справедливости из сферы нравственности в сферу права.

Обоснование политики права стало ведущей идеей Л.И.Петражицкого, смыслом всей его жизни. Не поколебленный никем, он не распылял своих сил, а все годы усердно работал и с редкой последовательностью защищал свое учение. Высшим достижением его поиска явилась 2–томная книга «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», вышедшая в 1907 году. С тех пор она известна во всем мире.

Право автор назвал одним из видов мировых политических явлений, одним из высших понятий человеческой культуры, важной главой всемирной науки. Он был уверен, что человек, страдающий абсолютным правовым идиотизмом, неспособный к переживанию правовых психических актов, лишен всякой возможности познавать нормы права, понять вызываемые правом человеческие поступки. Петражицкий исходил из того, что основу права и движущий источник его развития составляет психология человека. Он выделял «официальное» или позитивное право, то есть, действующую систему общественных норм, и «подлинное» право как свойство и продукт психологии личности. Мыслитель считал, что науки о хозяйстве, праве, государстве должны опираться на глубокий анализ психических явлений – живых, постоянно изменяющихся. Признав неудовлетворительным деление психических явлений на познание, чувство и волю (где первые два – пассивны, и третье – активно), Петражицкий ввел понятие эмоций, носящих якобы двусторонний, активно–пассивный характер (например, переживания голода и жажды, властвования и подчинения). По его мысли, эмоции – «истинные мотивы, двигатели» гражданского и политического поведения. Высший результат развития эмоций человека – устойчивые чувства к предметам, отвечающим его высшим потребностям. Эмоциональная жизнь человека выражает его оценочное отношение к сложившейся политической ситуации, которая способствует или препятствует осуществлению деятельности (вызывает гнев, страх или радость, оптимизм).

Л.И.Петражицкий подчеркивал, что в жизни людей особую роль играют эмоции моральные и правовые. Первые обязательны, вторые обладают

обязательно–притязательным свойством: не только какое–нибудь лицо обязано что–то делать, но другое вправе требовать от него выполнения данных обязанностей. Иначе говоря, ученый обосновал: право как политическое явление возникает при наличии в каждой длительно существующей социальной группе такого порядка, который может быть выражен в правовых нормах и который через посредство сложных механизмов делается обязательным для всех членов группы. Из этого следует два важных вывода:

Во–первых, то, что самое сильное воздействие на общество, политическую жизнь оказывает право – система социальных норм и отношений, охраняемых государством. Во–вторых, вытекает особое значение политики права, которая призвана и очистить психику людей от антисоциальных склонностей, направлять их поведение в русло общечеловеческого блага. Именно поэтому первейшей целью юридической науки ученый считал вдумчивую разработку политики как совокупности обоснованных мер, которые должны направленно способствовать усвоению «правового» в психике, а соответственно, и в политическом поведении человека.

Важное место в теории Петражицкого занимает учение об интуитивном праве. Человек приспосабливается к существующим условиям. Приспосаблиясь, у него вырабатываются мотивы, которые управляют его поведением. Следовательно, в каждом человеке создается его индивидуальное правосознание, автономное газаво. не подверженное никакому ПВОИЗВОЛУ. не зависимое ни от каких авторитетов. Петражицкий назвал его интуитивным правом. Оно складывается незаметно, постепенно, весьма изменчиво и легко приспособляется к новой обстановке. Оно чутко отражает вопросы причинения добра и зла, получения благ, порицательно реагирует на несправедливые действия: назначение на службу или повышение по протекции, необоснованные награждения или наказания, привилегии, оценки на экзаменах и т.д. В таких случаях интуитивная совесть всегда оперирует к позитивному праву. На основе взаимодействия интуитивного и позитивного права происходит управление обществом. В момент общественного благополучия между ними существует наибольшее взаимодействие и согласие. Ученый подчеркивал: чем разнообразнее состав народонаселения по воспитанию, национальности, религии, классовым интересам, чем больше разнообразий и коллизий в самой народной психике, тем обильнее и больше разногласия между позитивным и интуитивным правом. Интуитивное право в значительной мере способствует предупреждению, смягчению и устранению разногласий между обоими правами, влияет на развитие законодательства и регулирования взаимоотношений разных общественных групп.

Изменились реальные условия и старые идеи оказываются неподходящими. Интуитивное право опережает консервативное позитивное право. Под его воздействием появляются новые научные теории и политические идеи, отвечающие духу времени. Ученый и политик должны учитывать эти новые идеи, без которых немислимо управление поведением людей. Видный социолог Михаил Рейснер так оценил теорию права Л.И.Петражицкого: «Будучи

результатом крупного движения европейской мысли и выдающихся дарований автора, она является настоящим событием в науке. Новое течение в современной юриспруденции открывает широкие горизонты правовой науке и возвращает массам отнятое было у них интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна может дать оболочку социальным требованиям современности. Людям всегда хочется жить так, как помышлял Петражицкий, – по правде, по верно осознанному праву, по прогнозам науки. А за это, как за хлеб и человеческую надежду, надо бороться. Преимущественно силой знаний и одухотворенного интеллекта. Это, пожалуй, один из ценнейших политических заветов нашего земляка, который много сделал для развития духовности и правового воспитания.

В свое время модная психологическая теория права Петражицкого принималась по-разному, ее приветствовали и отвергали. С ним оживленно спорили Б.Н.Чичерин и Б.А.Кистяковский, П.И.Новгородцев и П.А.Сорокин, В.Я.Гинцберг и Е.Н.Трубецкой. У него было немало последователей, которые нередко бросали тень на своего учителя. Социолог Е.В.Спекторский остроумно подметил: «Как Маркс не хотел быть марксистом, так и Л.И.Петражицкий не соглашался отождествлять самого себя со своими последователями»⁵.

Сложная и местами труднодоступная теория Петражицкого изучалась, она привлекала и вызывала широкий резонанс. Прочитав книгу своего профессора «Теория права и государства», у студента Ис.Крутика возникло столько чувств, что за разъяснениями он обратился ко Льву Толстому, которого очень волновали вопросы гражданского права. В апреле 1909 года писатель дал ответ, который, вероятно, огорчил и студента, и профессора. Толстой высказал отрицательное отношение к праву, и особенно к нынешнему, которое есть не что иное как «грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими».

Вряд ли ученый оправдывал существующее зло, уклонялся от решения социальных вопросов, от «коварных условий». Он был согласен с Толстым, который определил нравственный закон: «Высший закон этот, самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе». А разве Петражицкий не говорил о любви к ближнему, о необходимости нравственного самосовершенствования человечества? Поэтому он тяжело переживал, как ему казалось, несправедливые упреки великого писателя. Научный язык менее доступен читателю, но без него невозможна строгая наука, в том числе этика и право.

Октябрьская революция внесла серьезные перемены в жизнь профессора Петражицкого. Ему, видному кадету, нельзя было отмежеваться от своей партии, ставшей на путь саботажа, развязывания гражданской войны. В 1918 году он эмигрировал в Польшу, где уже шесть лет состоял членом Польской академии. Вскоре Лев Иосифович возглавил кафедру социологии Варшавского университета и возобновил свою научную деятельность. В газетах появились сведения, что профессор выступает с лекциями об общественном идеале, марксизме и социализме, С этими вопросами он связывал свою работу над

новой социологией. Однако задуманное им осуществить не смог. Реакционный режим «санации», установленный Ю.Пилсудским, уволил его с должности профессора. 15 мая 1931 года Л.И.Петражицкого не стало. По словам юриста М.Я.Пергамента, в состоянии сильной духовной депрессии он покончил жизнь самоубийством.

Лев Иосифович верил в людей и справедливость, в возможность переустройства правовых норм и экономических отношений. И ради этого не жалел интеллекта: разрабатывал и уточнял свои идеи, не изменяя своим научным принципам. Петражицкий знал многие направления в развитии политической мысли, однако хранил верность своему общественному идеалу. Как Айвазовский никогда не отходил от своей излюбленной тематики мариниста, точно также и Петражицкий всю жизнь добросовестно исследовал философию права и его роль в воспитании человека будущего.

Пусть в чем-то он ошибался, величие его мысли в том, что он смотрел вглубь человеческой души, в которой сокрыты резервы ума и доброты, что он боролся за нравственную чистоту и духовное развитие человека. Его политическое наследие, в котором живет любовь к людям и неиссякаемый интерес к их нуждам, благородный дух поиска, и сегодня не потерял своей значимости. Л

1 Право. 1900. № 13. 25 марта.

2 Правоведение. 1971. №5. С.131.

3 Право. 1899. 10 января.

4 Там же. 31 января.

5 Юридический вестник. 1914. Кн.5. С.55..